Она не слышит колокола. Она знает, что он лжёт.

СЕДЬМОЙ КОЛОКОЛ

Никита X
Седьмой колокол

https://litres.ru/74759627
SelfPub; 2026

Аннотация

Туман убивает всё живое. От него город Сталгард защищают семь колоколов и каста тех, кто в них звонит.

Ильва Рейн родилась глухой и навсегда осталась чужой в собственной семье звонарей. Но колокола она чувствует кожей, через дрожь камня. И однажды утром понимает: Седьмой колокол звучит неправильно.

Ей не верят. Её объявляют предательницей. Теперь у Ильвы есть вор с чужой картой, старуха-механик с чужими тайнами и всего одна ночь, чтобы узнать, что на самом деле защищает город.

Если она права, спасение окажется страшнее Тумана.

Тёмное фэнтези о тишине, предательстве и цене, которую город платит за безопасность.

Никита Х
Седьмой колокол

Глава 1

СЕДЬМОЙ КОЛОКОЛ

Глава 1. Дед

Ильва проснулась раньше всех, как всегда, потому что будить её было некому.

Дом звонарей стоял у самой подошвы башни, и по утрам стены в нём дрожали. Не от звона: колокола ударяли лишь трижды в сутки, на рассвете, в полдень и на закате. Дрожали они от самой башни, от её огромного каменного тела, которое никогда не спало. Остальные в семье давно перестали это замечать. Ильва замечала каждый миг. Она лежала на тюфяке под лестницей, прижав ладонь к доске пола, и читала утро, как другие читают письма.

Вот тяжёлые шаги отца: Теодор Рейн вставал медленно, с хрустом в коленях, и доски под ним отзывались низким, недовольным гулом. Вот лёгкая дробь Лисы, младшей сестры, которая бегала по дому на цыпочках, будто боялась разбудить даже воздух. Вот Бран, брат, шагал ровно, как маятник. Он единственный в семье умел ходить так, чтобы его шаги не казались просьбой о прощении.

А под всем этим, глубже, чем любой шаг, жил Он. Ровный и бесконечный. Звон, которого она никогда не слышала и который чувствовала каждой костью.

Колокола.

Ильве было девятнадцать, и она родилась глухой. Мать, пока была жива, говорила, что Ильва пришла в мир в тишине, потому что тишина оказалась единственным, чего ей не досталось. Эту фразу Ильва помнила лучше лица матери.

Она встала, оделась в темноте, заплела волосы в тугую косу, чтобы не лезли в механизмы, и взяла со стены масляную лампу. Работа ждала её в башне. Работа всегда ждала её в башне.

Каждое утро Ильва поднималась по винтовой лестнице, которую звонари называли Горлом. Триста сорок ступеней. Первые сто она считала по привычке. Следующие сто шла на ощупь, ведя пальцами по стене. Камень Горла был тёплым, и в нём жила вибрация, тонкая, как дрожь натянутой нити. Чем выше, тем она становилась сильнее. К двухсотой ступени дрожь добиралась до зубов.

Звонарям полагалось подниматься в башню только к ударам. Остальное время они проводили внизу, в Гулкой зале, где пили травяной отвар, говорили о важных вещах и повторяли друг другу, как тяжело их ремесло. Ильве досталось другое: смазывать оси, чистить зубчатые колёса, выметать из-под помостов птичий помёт и пыль, которой башня зарастала за ночь, как лицо щетиной. Такую работу в семье отдавали тем, кто не годился для настоящей.

Она не жаловалась. Жалоба требует слушателя, а в доме Рейнов Ильву давно не слушали.

На сто девяносто третьей ступени башня запела в полную силу, и Ильва привычно улыбнулась. Тут ей всегда хотелось улыбнуться, как человеку, который входит в тёплую комнату с мороза.

Колокольня открылась ей сразу вся. Над головой раскинулся кованый лес балок, и в нём висели они: семь гигантов, каждый размером с дом. Дальше всех стояли Первый и Второй, молодые, вылитые из чёрной бронзы, которую меняли всего сотню лет назад. Ближе к центру висели Четвёртый и Пятый, старше и тяжелее. А в самой середине, на потемневших дубовых брусьях, оплетённый цепями толщиной в её руку, висел Седьмой.

Звонари звали его Дедом.

Дед был старше самого города. Так утверждали хроники, которые Ильва не могла прочесть, потому что в семье не нашлось человека, готового научить её буквам, и так утверждал отец, не терпевший возражений. Бока его позеленели от времени, а лоб, там, куда много веков бил язык, блестел, как отполированный.

Ильва поставила лампу на пол, сняла башмаки и пошла к Деду босиком.

Это был её собственный секрет. Звонари чистили колокола в сапогах и перчатках, считая, что кожа мешает «слушать». Ильва не слушала. Она чувствовала. И знала, что подошвам и ладоням колокол говорит куда больше, чем ушам.

Она прижала ладони к его бронзовому боку. Холод. По-

том, медленно, как всегда, пришёл ответ. Ровный гул, идущий откуда-то из самой глубины металла. Гул, который не менялся уже много лет.

Она закрыла глаза.

Сегодня гул был другим.

Сначала она решила, что ошиблась. Бывает, что устаёшь, не выспишься, и тело начинает лгать. Ильва отняла руки, потёрла их о рубаху и положила снова.

Нет.

Дед гудел. Но в его гуле появилась пустота.

Объяснить это Ильва не смогла бы, даже будь у неё слушатель. Если ударить в полный горшок, он отзовётся глухо и плотно. Если в пустой, звук будет звонким, гулким, с эхом. Дед всегда был полным горшком. Тяжёлым, плотным, набитым временем до самых краёв.

А теперь он стал пустым. Его вибрация шла, как прежде, но внутри неё что-то отсутствовало, словно из ровной нити вынули несколько звеньев. Она плыла по бронзе пунктиром.

Ильва отдёрнула руку и обошла колокол кругом. Присела, коснулась края, где металл нависал над помостом. Приложила ладонь к дубовым брусьям, потом к цепи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.